

УДК 37.013.83

UDC 37.013.83

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

THEORETICAL-METHODOLOGICAL BASES OF INTERPRETATING THE FORMATION OF SUBJECTIVENESS IN THE CONTEXT OF TRAINING PERSONNEL FOR NATIONAL SECURITY ORGANS

Е. А. Горбачевич,
*доцент специальной кафедры
Института национальной безопасности
Республики Беларусь*

E. Gorbachevich,
*Associate Professor of the Special Department
of Institute of National Security of
the Republic of Belarus*

Поступила в редакцию 18.07.19.

Received on 18.07.19.

В статье представлено авторское видение решения теоретической задачи уточнения сущности феноменов «субъектность» и «субъект» в контексте проблемы подготовки кадров для органов государственной безопасности, предложены определения субъектности и субъекта профессиональной деятельности, соотносимые с философской интерпретацией социального аспекта существования триады «индивид – субъект – личность».

Ключевые слова: субъект профессиональной деятельности, нормы профессиональной деятельности, субъектность обучающегося учреждения высшего образования, обеспечивающего подготовку кадров для органов государственной безопасности.

The article shows the author's approach to the solution of a theoretical problem of clarifying an essence of "subjectivity" and "subject" phenomena in the context of personnel training for national security organs problem, introduces definitions of subjectivity and subject for professional activity, that is correlated with philosophical interpretation of social aspect of "individual – subject – personality" triad existence.

Keywords: subject of professional activity, norms of professional work, subjectiveness of high educational institution's student providing preparation of manpower development for national security organs.

Введение. Главная проблема обозначенного в названии статьи научного контекста состоит в ситуации очевидного разногласия относительно содержания категории «субъект», сложившейся в социально-гуманитарных науках. Раздор мнений объясняется, прежде всего, тем, что анализируемое понятие существует и рассматривается не изолированно, а в нерасторжимой триаде: индивид, субъект, личность.

Разногласия проявляются уже на уровне обозначения роли представленной триады в функционировании и исследовании психики человека. Сходясь во мнении о том, что составляющие триединства представляют собой ведущие антропологические характеристики, одни исследователи называют их фундаментальными модусами существования личной реальности [1], другие – ипостасями человека [2], третьи – подпространствами его жизни и деятельности [3]. Так или иначе, но существование триады обуславливает необходимость рассмотрения сущности понятия «субъект» в ряду родственных категорий – «индивид» и «личность».

Наиболее обобщенный взгляд на их содержание и различие представлен в философии. Так, Э. В. Сайко [4] дифференцирует главные антропологические характеристики следующим образом:

- индивид – человек как носитель видовых качеств, представляющий общность биологических характеристик; или организм, природное существо, функционирующий в природе и сам являющийся ее частью, по сути, носитель биологического содержания;
- субъект – человек как носитель особого типа активности – деятельности и создатель социального бытия;
- личность – человек как носитель свойств субъективности, выражающейся в единичности, индивидуальных проявлениях «я» в системе конкретно-исторических условий и разнообразия социальных отношений.

Очевидно, что в основу предъявленного различения положен диалектический принцип единства общего, особенного и единичного. Единство представлено целостностью

триады «индивид – субъект – личность». Общие свойства человека как биологического существа принадлежат индивиду, носителем особенного (в разнообразии видов деятельности и социальных обстоятельств) является человек как субъект общественной практики, единичное представлено личностными свойствами человека.

Вместе с тем уже на уровне философского различения обнаруживается источник разночтений в психологической интерпретации соотношения понятий «субъект» и «личность». Вопрос заключается в том, какая из антропологических характеристик является первопричиной, основанием для развития другой: развитие личности гарантирует формирование субъектности, или, напротив, развитие человека как субъекта определяет становление его личности [4].

Основная часть. С. А. Сергиенко выделяет два основных подхода к интерпретации понятий «субъект» и «личность», связывая их с двумя разными философскими традициями: антропоцентрической (И. Кант, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.) и эволюционно-генетической (И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинг, Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель и др.) [5].

Сторонники антропоцентризма представляют акмеологический подход, постулирующий примат развития личности как необходимого основания для становления субъектности человека. Большинство психологов постсоветского пространства придерживаются этой точки зрения (К. А. Абульханова, А. Г. Асмолов, В. В. Знаков, Г. В. Залевский, В. А. Петровский, З. И. Рясникина и др.). Приверженцы эволюционно-генетической философии рассматривают соотношение понятий «субъект» и «личность» на основаниях эволюционного подхода, полагающего субъектность как изначально присущее человеку качество и основу развития его личности (П. И. Божович, А. Л. Журавлев, В. И. Слободчиков, А. Ш. Тхостов, В. В. Сидиванов и др.) [5].

Автор приведенной систематизации относит себя ко второму подходу, вместе с тем предлагая свой вариант разрешения противоборства двух точек зрения, проявляет приверженность первому, акмеологическому мнению. Метафорически С. А. Сергиенко предлагает рассматривать соотношение личности и субъектности в виде командного и исполнительного начал. При этом роль командного звена отводится личности, исполнительского – субъектности.

«Личность задает направление движения, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека» [5, с. 34].

В зависимости от приверженности исследователей тому или иному взгляду (акмеологическому либо эволюционно-генетическому подходу) на соотношение двух ведущих антропологических характеристик в современной психологической литературе выделяется две точки зрения на содержание понятия «субъект»: сущностная и функциональная [6].

В акмеологическом подходе представители сущностной трактовки понятия определяют содержание категории «субъект» через понятие «личность» и интерпретируют его как высшую форму социальной зрелости личности, то есть вершину ее развития. В основе такого взгляда лежит представление о том, что субъектами не рождаются, а становятся. В случаях нарушений личности, человек теряет способность стать субъектом [7].

Сторонники эволюционно-генетического подхода придерживаются функциональной интерпретации содержания понятия «субъект». Она исходит из мнения о том, что субъектность есть изначально присущая, то есть атрибутивная характеристика человека. «Человек сразу рождается субъектом. Это врожденная форма его присутствия в мире (жизнеспособность и социоспособность)» [6, с. 48]. Личность же развивается на фундаменте субъектности. «Только становясь субъектом своих действий и своей деятельности (масштаб субъектности, понятно, может быть различным) человек впервые обретает шанс быть личностью» [2, с. 166].

Противоречивость двух приведенных подходов (акмеологического и эволюционно-генетического) и сопутствующих им точек зрения (сущностной и функциональной) на содержание понятия «субъект» требует выбора одного из двух представленных методологических оснований. Выбор эволюционно-генетического подхода и функциональной точки зрения на сущность понятия «субъект» дает возможность рассмотрения профессионального образования в качестве контекста становления обучающихся как субъектов профессиональной деятельности и развития преподавателей как субъектов педагогической работы.

Дело в том, что при всем разнообразии взглядов на соотношение понятий «субъект» и «личность» первое почти всегда свя-

зывается с понятием деятельности. Известный исследователь становления субъектности человека в онтогенезе В. И. Слободчиков считает этот факт проявлением европейской культурной традиции, поскольку в ряду основных линий развития человека выделяет становление трех типов субъектности: в сознании (самосознание), в общности (самость, самобытность) и в деятельности. Однако понимает, что именно для европейской культуры «...субъектность есть доминирующая, сквозная, тотальная форма деятельностного бытия человека, относительно которой другие формы (сознание, общность) будут производными...» [2, с. 161].

Как уже отмечалось, философская интерпретация понятия «субъект» состоит в понимании человека как носителя специфического для него типа активности, то есть деятельности [4]. Субъектности приписывается модус культуры, включающей в свой состав и нормы деятельности, в отличие от личности, рассматриваемой в модусе персональности [1]. В подпространство субъектности предлагается включить такие образования как активность, целенаправленность и другие характеристики деятельности [3]. Все это свидетельствует о неразрывной связи субъектности с деятельностью.

Более того, обозначенная взаимосвязь фиксируется на уровне психологических закономерностей становления и развития человека как субъекта деятельности. Отмечается, что развитие субъектности деятеля опосредовано уровнем его активности, продуктивности и успешности, а в качестве средств развития человека как субъекта выступают общественные ценности и культурные нормы, определяющие проявления социальной активности, регулирующие ее направления и степень выраженности [8]. С этой точки зрения, субъектность представляет собой способ дифференциации социального человека, а результатом такой дифференциации выступает специализация субъекта в рамках общества. Думается, что правомерным можно считать вывод о том, что указанная специализация в значительной степени, если не во всем, зависит от выбора той или иной профессиональной деятельности.

Учитывая все сказанное, возможно определить субъектность как способность человека соответствовать фиксированной норме, осуществлять самокоррекцию в связи с внешней, нормативной необходимостью [9].

Выбор этого определения обусловлен тем, что оно полностью соответствует:

- эволюционному подходу к процессу становления субъектности в ходе онтогенеза;
- функциональной точке зрения на сущность человека как субъекта сознания, общности и деятельности с превалированием деятельностного бытия изучаемого явления;
- общей философско-психологической установке, закрепляющей взаимосвязь субъекта и деятельности.

Исходное определение понятия «субъект» также может быть уточнено за счет ведущих положений деятельностного подхода, касающихся интерпретаций понятий «субъект» и «деятельность».

С философских позиций, деятельность представляет собой новый, присущий человеку тип целенаправленной активности, имеющий преобразовательный характер и реализующий свойства ее носителя. С этой точки зрения деятельность предстает как универсальная форма отражения мира и воспроизводства человека, обеспечивающая накопление энергетического потенциала социального движения. Все формы творческой жизни человека связаны с деятельностью и воплощаются в ней [4].

Деятельность появляется, воспроизводится и развивается посредством формирования, трансляции и преобразования ее эталонов – норм деятельности, входящих в состав культуры. Этот факт отражен в определении деятельности, данном Э. Г. Юдиным, философ трактует ее «как специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» [10, с. 272]. В избранном в качестве основополагающего определении понятия субъектности отражена одна из ведущих установок деятельностного подхода – примат роли и значения социокультурных норм в отношении человека к миру.

Весьма важным представляется и тот факт, что представители не только деятельностного, но и акмеологического подхода согласны с тем, что развитие субъекта, самореализующегося в деятельности, происходит «в исполнении и ее исполнением» [11, с. 196]. Исполнение деятельности возможно лишь на основе воспроизводящих деятельность зафиксированных в культуре, внешних по отношению к исполнителю норм деятельности.

Указания на конкретизацию понятия «субъект деятельности» содержатся и в об-

щефилософском положении о направленности деятельности на воспроизводство надприродных условий бытия человека, включающих социальные отношения (систему социальных предпочтений и запретов), культуру (в том числе деятельностные нормативы) и самого человека (как субъекта деятельности).

При определении субъектности обучающегося учреждения высшего образования, обеспечивающего подготовку кадров для органов государственной безопасности, необходимо указать, что в Республике Беларусь органы государственной безопасности являются самостоятельным институтом государства и обеспечивают выполнение возложенных на них в соответствии с законодательством задач. Специфика таких задач, формы и методы профессиональной деятельности обуславливают уникальные подходы к организации подготовки кадров, в рамках которых в условиях сокращенного срока обучения, высоких требований к профессиональной подготовленности выпускников должна быть предусмотрена возможность оперативной перестройки образовательного процесса под действительные потребности оперативной практики для обеспечения национальной безопасности и стабильности государства [12].

Таким образом, обобщая все изложенные теоретико-методологические положения и учитывая специфику подготовки кадров для органов государственной безопасности, возможно определить **субъектность обучающегося учреждения высшего образования, обеспечивающего подготовку кадров для органов государственной безопасности**, следующим образом: *опосредованная уровнем активности, продуктивности и успешности учебной деятельности способность соответствовать нормам профессиональной деятельности, направленной на воспроизводство стабильности государства путем создания оптимальной системы предпочтений и запретов.*

Для детализации понятия необходимо отметить, что под нормами деятельности понимаются формализованные алгоритмы действий, базирующиеся на явных и обобщенных знаниях, то есть сложившиеся в той или иной профессии, апробированные и устойчивые, основанные на системе науч-

ных и практико-ориентированных знаний, последовательности действий по решению профессиональных задач [13].

С учетом представленного уточнения, понятие **субъекта деятельности относится к активному, продуктивному и успешному в овладении алгоритмами действий по решению задач профессиональной деятельности обучающегося.**

В представленных определениях субъектности и субъекта нашли отражение значимые теоретико-методологические установки.

Во-первых, в них зафиксированы предпосылки становления субъектности обучающегося, в качестве которых выступают такие характеристики его учебной деятельности как активность, продуктивность и успешность.

Во-вторых, отмечен ведущий признак (и главная характеристика) субъектности – способность соответствовать (через освоение и саморекцию) нормам приобретаемой профессиональной деятельности.

В-третьих, отражена социальная значимость и направленность профессиональной деятельности органов государственной безопасности – воспроизводство стабильности государства путем создания оптимальной системы предпочтений и запретов.

В-четвертых, конкретизировано понятие норм деятельности, под которым понимаются составляющие системы профессиональной деятельности органов государственной безопасности – алгоритмы действий по решению задач, входящих в их компетенцию.

Заключение. Таким образом, специалиста профессиональной деятельности необходимо рассматривать как контекстного субъекта, который в отличие от социального индивида и личности строит свое поведение в строгой зависимости от характера социального контекста, то есть направляет свою деятельность на воспроизводство государственных запретов и предпочтений.

Предложенные автором определения субъектности и субъекта профессиональной деятельности легко соотносимы с философской интерпретацией социального аспекта существования триады «индивид – субъект – личность», а также учитывают специфику подготовки кадров для органов государственной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Старовойтенко, С. Б. Новая персонология – интегральная наука о личности / С. Б. Старовойтенко // Мир психологии. – 2012. – № 3. – С. 60–65.

REFERENCES

1. Starovoytenko, S. B. Novaya personologiya – integralnaya nauka o lichnosti / S. B. Starovoytenko // Mir psikhologii. – 2012. – № 3. – S. 60–65.

2. Слободчиков, В. И. Очерки психологии образования / В. И. Слободчиков. – Бирибиджан : Изд-во БГПИ, 2005. – 272 с.
3. Москаленко, О. В. Пространство и среда: точки соприкосновения и взаимодействия / О. В. Москаленко // Мир психологии. – 2013. – № 4. – С. 50–58.
4. Сайко, Э. В. Индивид – субъект – личность в системной целостности определенности – Человек / Э. В. Сайко // Мир психологии. – 2012. – № 3. – С. 3–12.
5. Сергиенко, С. А. Субъект и личность: поиск единства и специфики / С. А. Сергиенко // Мир психологии. – 2012. – № 3. – С. 31–39.
6. Маркин, В. Н. Личность в категориальном ряду: индивид, субъект, личность, индивидуальность (психолого-акмеологический анализ) / В. Н. Маркин // Мир психологии. – 2007. – № 1. – С. 33–50.
7. Абульханова, К. А. Способность сознания личности как субъекта жизни / К. А. Абульханова // Мир психологии. – 2006. – № 2. – С. 79–97.
8. Шамяионов, Р. М. Психологические характеристики социальной активности личности / Р. М. Шамяионов // Мир психологии. – 2012. – № 3. – С. 146–152.
9. Анисимов, О. С. Методологический словарь (для акмеологов и управленцев) / О. С. Анисимов. – М. : Рос. акад. менеджмента и агробизнеса, 2001. – 168 с.
10. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности / Э. Г. Юдин. – М. : Наука, 1975. – 320 с.
11. Деркач, А. А., Сайко, Э. В. Деятельность как основное акмеологическое развитие субъекта и надситуативная активность субъекта как действенный фактор ее развития / А. А. Деркач, Э. В. Сайко // Мир психологии. – 2008. – № 2. – С. 181–198.
12. Об утверждении Устава государственного учреждения образования «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»: Указ Президента Респ. Беларусь от 20 декаб. 2010 г., № 665 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 21.12.2010. – № 1/12185.
13. Марков, В. Н. Субъект и среда / В. Н. Маркин // Мир психологии. – 2013. – № 4. – С. 41–50.
2. Slobodchikov, V. I. Ocherki psikhologii obrazovaniya / V. I. Slobodchikov. – Biribidzhan : Izd-vo BGPI, 2005. – 272 s.
3. Moskalenko, O. V. Prostranstvo i sreda: tochki soprikosnoveniya i vzaimodeystviya / O. V. Moskalenko // Mir psikhologii. – 2013. – № 4. – С. 50–58.
4. Sayko, E. V. Individ – subyekt – lichnost v sistemnoy tselostnosti opredelennosti – Chelovek / E. V. Sayko // Mir psikhologii. – 2012. – № 3. – С. 3–12.
5. Sergiyenko, S. A. Subyekt i lichnost: poisk yedinstva i spetsifiki / S. A. Sergiyenko // Mir psikhologii. – 2012. – № 3. – С. 31–39.
6. Markin, V. N. Lichnost v kategorialnom rjadu: indivi. subyekt, lichnost, individualnost (psikhologo-akmeologicheskiy analiz) / V. N. Markin // Mir psikhologii. – 2007. – № 1. – С. 33–50.
7. Abulkhanova, K. A. Sposobnost soznaniya lichnosti kak subyekta zhizni / K. A. Abulkhanova // Mir psikhologii. – 2006. – № 2. – С. 79–97.
8. Shamionov, R. M. Psikhologicheskiye kharakteristiki sotsialnoy aktivnosti lichnosti / R. M. Shamionov // Mir psikhologii. – 2012. – № 3. – С. 146–152.
9. Anisimov, O. S. Metodologicheskiy slovar (dlya akmeologov i upravlitsev) / O. S. Anisimov. – M. : Ros. akad. menedzhmenta i agro-biznesa, 2001. – 168 s.
10. Yudin, E. G. Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti / E. G. Yudin. – M. : Nauka, 1975. – 320 s.
11. Derkach, A. A. Deyatel'nost kak osnovaniye akmeologicheskogo razvitiya subyekta i nadsituativnaya aktivnost subyekta kak deystvennyy faktor yeye razvitiya / A. A. Derkach, E. V. Sayko // Mir psikhologii. – 2008. – № 2. – С. 181–198.
12. Ob utverzhdenii Ustava gosudarstvennogo uchrezhdeniya obrazovaniya "Institut natsionalnoy bezopasnosti Respubliki Belarus": Ukaz Prezidenta Resp. Belarus ot 20 dekab. 2010 g., № 665 // Nats. reyestr pravovykh aktov Resp. Belarus. – 21.12.2010. – № 1/12185.
13. Markov, V. N. Subyekt i sreda / V. N. Markin // Mir psikhologii. – 2013. – № 4. – С. 41–50.